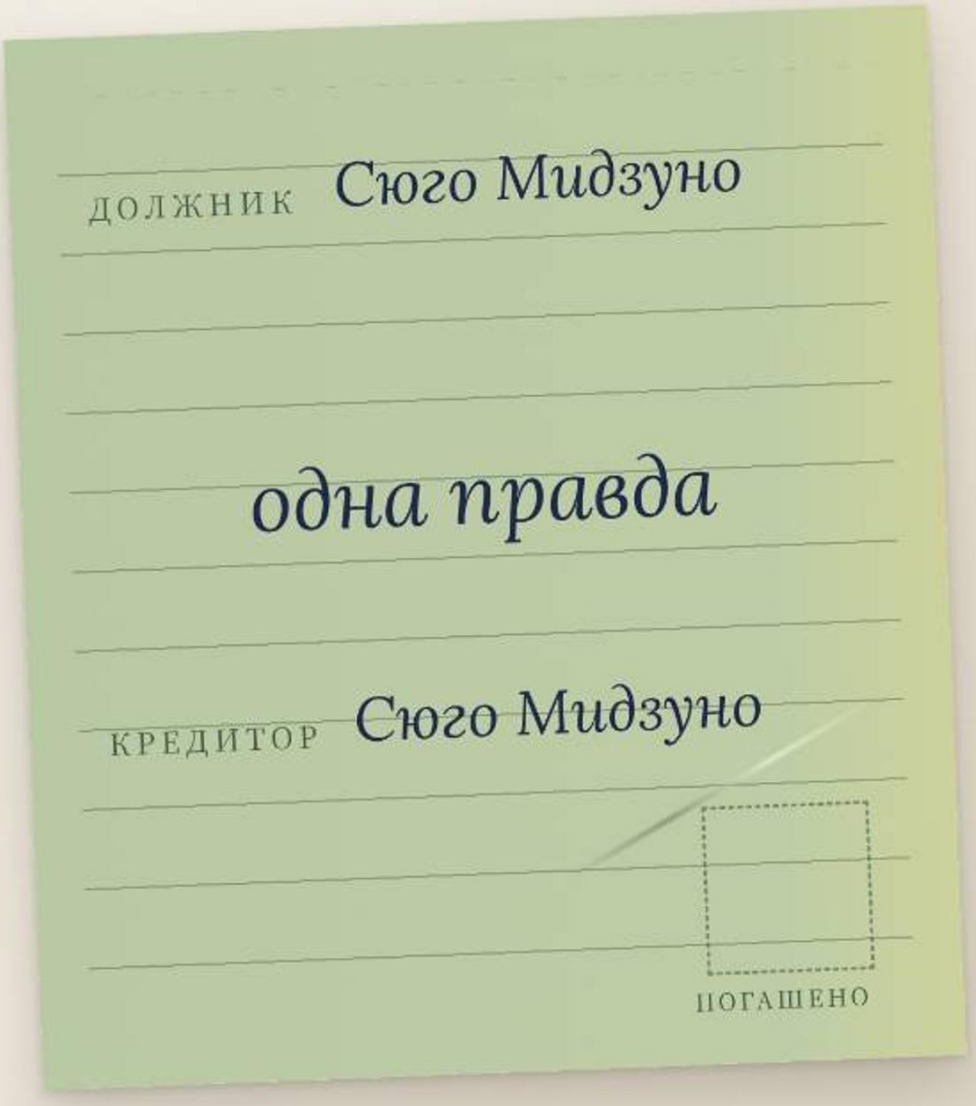
АЛЕКС МЕЙСЕР

Непогашенный счёт



РОМАН

Алекс Мейсер

Непогашенный счёт

«Автор»
2026

Мейсер А.

Непогашенный счёт / А. Мейсер — «Автор», 2026

Осака, декабрь. Сюго Мидзуно отвечает на звонки в мебельной службе, обещает сестре вернуть долг к двадцать седьмому и каждое утро делает «всего одну» ставку. Однажды вечером хозяйка маленькой закусочной показывает ему зелёную карточку из старой книги долгов: должник — Сюго Мидзуно, кредитор — Сюго Мидзуно, содержание долга — «одна правда». Кто её написал и почему именно сейчас? Тихий психологический роман о зависимости, самообмане и счетах, которые не закрыть ни деньгами, ни удачной ставкой.

© Мейсер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Свободный остаток 5
2. Две графы 10
3. Где ставить подпись 15
4. Упаковка 20
5. Случай М. 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Непогашенный счёт

1. Свободный остаток

Осака, 1 декабря 2025 года

Утреннюю ставку я записал в ноябрь. По выписке восемь тысяч ушли первого декабря, но решил-то я вчера. Утром, сидя на крышке унитаза с кружкой кофе в руке, я только нажал кнопку.

В строке «Нао» был долг сестре — 240 000 иен. В строке «Всего» — 1 486 000. Первую сумму я знал и без таблицы, вторую обычно помнил до первой удачной ставки. В удачные дни я вычитал выигрыш из общего долга ещё до вывода денег. За счёт этого у меня бывало по три хороших утра подряд с одним и тем же выигрышем.

Со вчерашнего вечера в переписке с Нао висел снимок стола. «Зачем ему такие широкие ножки, если за ним неудобно сидеть?» Утром под снимком появилось: «Во сколько позвонишь насчёт денег?» Я прочёл оба. По дороге на работу ответить было некогда, хотя из дома я ещё даже не вышел.

На лестнице я чуть не унёс полку для Нао. Под ней стояла табличка «Заберите, если нужно». Полку я уже поднял, когда разглядел, что табличка относится к сушилке за ней.

На трамвайной остановке Сумиёси мужчина пересчитывал коробки на скамейке. Я переставил верхнюю, чтобы освободить место, и сказал ему об этом. Он пересчитал заново. «Если не унёс, всё осталось на месте», — решил он и накрыл коробки плащом.

На работе женщина, которой доставили два левых подлокотника, полчаса извинялась за звонок. Она купила кресло отцу. Отец ходил вокруг коробки и говорил, что кресло прекрасное и без подлокотников, если на него не садиться. Я попросил снимок основания. Отверстия просверлили с одной стороны, так что менять предстояло всё кресло.

Через отдел доставки и склад я добрался до человека, который сам крепил коробки в машине. Он сказал, что в ближайшие два дня сборщика не будет, и спросил, тяжело ли старику подниматься с пола. Я представил старика на полу среди подлокотников и только через секунду сообразил, что про пол женщина ничего не говорила.

— Подождите. Я спрошу.

Дочь поставила телефон на громкую связь. Старик сказал, что с пола встаёт отлично, хотя давно там не сидел. Ему трудно подниматься с мягкого сиденья. Поэтому он и выбрал кресло с высокими жёсткими подлокотниками.

Со склада мне назвали четверг. За «постараемся раньше» меня бы сейчас поблагодарили, а в четверг кто-нибудь другой объяснял бы ей, куда это «раньше» делось. Я дождался, когда дочь вернётся к телефону.

— Сможем в четверг. До четверга кресло у вас не появится. Мне осталось проверить, во сколько забрать коробку.

В трубке поскребли по чему-то твёрдому.

— Хоть знаю, когда к нему ехать, — сказала она.

Коробку держали у порога, чтобы отдать по первому звонку. Дочь ездила к отцу из другого квартала, и они уже приготовились просидеть у двери весь вторник. Я устроил вывоз одновременно с доставкой. Отец спросил, можно ли переставить коробку в комнату: она мешала вынести зонтик на балкон. Я сказал, что коробка его и он может поставить её где угодно. В трубке заскрёб картон. Дочь оставила телефон, побежала помогать и, вернувшись, ещё не отдышавшись, спросила мою фамилию — для отзыва.

— Мидзуно. Если будете писать, укажите ещё и имя. Там есть другой Мидзуно.

В отделе в самом деле был мой однофамилец. Он работал уже лет восемь, носил слуховой аппарат и брал трубку старым способом, соединив её с гарнитурой через переходник. Однажды ему вручили конверт с благодарностью, адресованной мне. Он вернул его открытым: благодарят его редко, сказал он, и ему хотелось узнать, что на этот раз он сделал правильно. Потом в системе рядом с фамилиями проставили первые знаки имён, и путаница прекратилась.

Женщине с креслом я назвал четверг. В переписке с Нао я чуть не написал: «А если деньги потребуются позже?» Выходило бы, что передумать должна она. Я закрыл переписку.

Годом раньше, в конце осени, когда я попросил у Нао денег, я ел у неё на кухне яичницу с холодным рисом. На другом конце стола Нао гладила рубашку, подложив под неё сложенное одеяло. Пока грелся утюг, она подавала мне всё, до чего могла дотянуться.

Обязательный платёж действительно надо было внести. Я показал и дату, и сумму. Она прочитала обе строки и попросила показать, что было до них. Я пролистал назад ровно на один экран. Всё, что на нём было, подтверждало мои слова. Как я дошёл до этого экрана, она тогда не спросила.

— Ты помнишь холодильник? — сказала она.

Ей было двадцать два, когда в её первой съёмной комнате отключили электричество. Проводку поменяли быстро, но маленький холодильник после этого так и не заработал. Там лежало еды на три дня, и ровно столько дней оставалось до зарплаты. Я тогда купил новый и оплатил доставку. Нао вернула деньги в три захода. В третий раз пришла с конвертом и купленной на сдачу парой яиц, чтобы отдать мне ровно столько, сколько взяла. Мы их пожарили.

— Я тоже могу сейчас на тебя потратиться, — сказала она. — Только мне это надо потом вернуть. Я собираюсь съезжать.

Я кивнул, и она отставила утюг на подставку. Двести сорок тысяч лежали у неё отдельно. Она копила их несколько месяцев, и копить дальше было даже приятно: сумма уже на что-то годилась. Нао предложила перевести прямо по реквизитам, которые я ей показал. Я попросил перевести мне, потому что хотел закрыть всё разом через свой банк. Она согласилась. Пока мы возились с телефоном, рубашка высохла с одного бока, и на рукаве осталась складка. Нао смочила рукав ладонью.

Платёж в тот вечер я внёс до иены. Потом доел у Нао рис. С тех пор, когда Нао спрашивала про деньги к переезду, я первым делом вспоминал тот платёж. Он был на месте. Всё остальное можно было пока не открывать.

Когда я снял гарнитуру, коллега подвинул ко мне пачку салфеток. Из-под крышки моего стакана вытек кофе и уже добрался до его бумаг. Я вытер стол. Бумаги пришлось переложить, зато на столе больше ничего не текло.

В обед отключили ряд розеток. Я одолжил соседке переходник. Вернула она его с синей меткой: у неё в тумбе был такой же. Когда она ушла, я поскрёб метку ногтем.

Зарплата приходила одним переводом. В расчётном листке стояли две суммы. Оклад — двести пятнадцать тысяч, комиссия — обычно около тридцати. Разницу между этими цифрами я объяснял скоростью набора и не упоминал, как сильно от неё зависел. Коллега спросила, собираюсь ли я брать несколько дополнительных смен на праздниках. Я сказал, что ещё посмотрю по семье. Она понимающе кивнула: в этом году ей тоже не хотелось заранее обещать свои праздники.

К пяти часам у выхода выстроилась очередь за зонтами. Утром лило в другом конце города. У нас взошло красное солнце, и те, кто вышел обедать пешком, зонтов с собой не взяли. Сотрудники заходили по двое под одним зонтом, а когда погода менялась, находили на вешалке два и спорили, кто кому теперь должен сухую ручку.

Ко мне подошли узнать, пойду ли я со всеми в пятницу. В новой лапшичной было шесть стульев, и нас вместе со мной тоже было шестеро. Я спросил, можно ли ответить завтра. В

пятницу я был свободен, на лапшу тоже пока хватало. Но до пятницы оставалось несколько вечеров, и, чтобы это изменилось, хватило бы одного вечера с хорошим настроением.

— Я просто стул считаю, — сказала женщина, которая всех собирала. — Хозяйка оставит для нас сколько скажем.

Она держала наготове телефон, а я смотрел на свою пятницу как на дело, по которому ещё не вынесли решения. Я сказал, чтобы оставили пять. Она отошла к окну, позвонила в лапшичную и с первого раза произнесла «пять».

Убирая с экрана фотографию кресла, я уменьшил снимок. В углу виднелась нога старика. Большой палец носка был заштопан синей ниткой.

Перед уходом я ещё раз открыл заявку на кресло. В поле «причина обращения» стояло: «Поставлены два левых подлокотника». В поле «решение» я написал: «Замена в четверг, клиент уведомлён». Внизу было место для отметки о согласии клиента. Я оставил его пустым. Женщина согласилась ждать до четверга, но не говорила, что согласна с причиной задержки. Раньше я бы поставил галочку.

Коллега из соседнего ряда задержался у моего стола с курткой в руке. Он хотел знать, сколько стоит снять жильё ближе к станции. Я назвал сумму, которую платил сам, и тут же добавил, что сейчас, наверное, дороже. Он спросил, не собираюсь ли я переезжать. Я ответил, что пока нет. Он пошёл к лифту. Я снова посмотрел на пустую клетку и закрыл заявку без галочки. Программа предупредила, что показатель завершения за день снизится. Я нажал «подтвердить».

На телефоне оставалась открытой вкладка с забегами. Я только хотел сравнить результаты. За день там изменились коэффициенты, и одно число показалось мне ошибочным. Я помнил собаку, которая плохо выходила из поворота, и думал, что её переоценили. Через несколько секунд я уже мысленно делил восемь тысяч на две части. Первую можно было поставить сейчас, вторую — если цена станет лучше. Никаких денег я ещё не переводил.

Первый раз я смотрел собачьи бега с коллегой из старой службы. На его телефоне шла трансляция зарубежного забега. Он принёс распечатку, обвёл красным номер и сказал, что эта собака обычно плохо стартует, зато разгоняется на прямой. Ставить он не предлагал. Мы ещё спорили, что тут можно объяснить заранее, а что люди придумывают после финиша.

Через неделю я включил трансляцию у себя. У меня была неприятная смена: покупатель назвал меня по имени, поблагодарил за терпение и попросил соединить с другим сотрудником. Я соединил, но весь вечер пытался понять, в какой момент перестал быть человеком, которому можно доверить разговор. На экране собака под номером четыре шла последней, потом обошла двух. Я угадал этот рывок за секунду до того, как он случился.

Потом я рассказывал, что увлёкся статистикой. Собаку под четвёртым номером поминал всегда. Покупателя, который попросил другого оператора, — ни разу.

Первый крупный выигрыш я помнил до иены. На другой день Нао ждала меня в магазине: выбирала мне рубашку. Я написал, что задержался с клиентом. Стоял у автомата и проверял остаток. Рубашку Нао купила сама. Плечевой шов у меня весь год сползал на руку.

В старом блокноте я завёл две колонки. Слева шли суммы, справа — причины: «вернуть потерянное», «доказать расчёт», «не пропустить редкий шанс».

Если я проигрывал, значит, плохо выбрал момент. Если выигрывал, значит, система работала и требовала большей суммы. Если не ставил, мог потом проверить результат и объявить несделанную ставку своей лучшей.

Про собак я говорил «характер», «воля». Однажды коллега спросил, как зовут ту, за которую я только что болел. Я назвал номер.

Если уйти сейчас, выходило, что весь вечер над расписанием пропал даром. Я ещё раз открыл результаты.

Я положил телефон экраном вниз. Через десять минут я всё равно его переверну, зато можно будет сказать себе, что подумал.

Начальница вернулась за забытым зонтом и спросила, почему я ещё здесь. Я сказал, что заканчиваю отчёт. Она посмотрела на погасший монитор, но ничего не заметила или решила не замечать.

— Не задерживайся, Мидзуно.

Я пообещал.

В лифте я проверил счёт. Это были деньги на дорогу, на еду и на платёж, до которого оставалось меньше двух недель. В голове они уже превратились в сумму, которую можно ненадолго одолжить у самого себя.

На первом этаже кто-то приклеил к доске объявлений фотографию потерянной перчатки. Одной, тёмно-серой, с прорехой возле большого пальца. Под снимком написали: «Нашёл возле турникета. Заберите у охраны». Я стоял перед этой бумажкой, пока за спиной открывались и закрывались двери. Даже на снимке был виден кривой стежок у прорехи. Тут завибрировал телефон. На экране было имя Нао.

Нао написала: «Позвони, когда освободишься». В половине седьмого я поставил телефон на беззвучный, в семь проверил, не было ли ещё сообщений, в восемь пошёл в сторону станции и остановился у киоска, чтобы посмотреть результат. Утром я собирался ограничиться одной ставкой. К вечеру я уже искал второй исход: без него утренняя ставка казалась незавершённой.

Пока остальные собаки добегали, у киоска убирали булочки с витрины. Продавец брал каждую щипцами за бумажный край. Я смотрел, сколько осталось. Нао позвонила сама.

— Ты можешь говорить? — спросила Нао.

— Уже даже не на работе. Большой день для трудовых отношений.

— А я в мебельном. Скажи, у шкафа обязательно должно быть дно?

В новой квартире ей хотелось отвести у окна место под стол. Партнёр соглашался на стол, но тогда шкаф вставал только сбоку от входа, там, где вдоль стены шла труба. Нао нашла шкаф без дна, который продавался как нормальный шкаф за нормальные деньги, и попросила меня рассудить, почему тогда занавеску нельзя назвать шкафом.

Я предложил повесить занавеску и потратить разницу на стол. Нао сказала, что именно поэтому я не её партнёр по переезду. Она постучала ногтем по стенке. В трубке отдалось гулко, как по пустому ящику.

— У нас двадцать седьмого последний день по деньгам, — сказала она. — Ты вернёшь все двести сорок?

— Бонус будет в декабре.

— Я тоже буду в декабре. Что мне ответить?

Ответ я придумал заранее. До бонуса девять дней, от десятого до двадцать седьмого — ещё семнадцать. За это время можно успеть перевести деньги хоть одиннадцать раз. Я даже шутку на этот счёт приготовил. Нао стояла в мебельном и придерживала дверцу шкафа. Ей нужно было что-то сказать человеку рядом.

— Ты ему уже сказала, что они будут? — спросил я.

— Я ему сказала, что сейчас спрошу. Ты меня нормально слышишь?

Я слышал, как шуршит бумажная бирка. Потом что-то хлопнуло, как крышка от коробки, упавшая с небольшой высоты. Я прикрыл свободное ухо. Бирка перестала шуршать. Нао всё ещё держала трубку.

— Мне надо выбрать квартиру, — сказала она. — От этих денег зависит, какую мы можем взять. Мы прикидывали: можно взять дешевле, если подальше от работы. Там остановка хорошая. Я в субботу ходила посмотреть.

Она рассказала про кухню во второй квартире. Окно там огромное, зато под ним стоят мусорные контейнеры, и утром, как раз когда все завтракают, мусоровоз сдаёт задом к стене.

Она стояла на кухне и слушала, пока он не закончил. Звук ей даже понравился. В деревенском доме, где мы однажды жили летом, каждое утро примерно так же задним ходом подъезжала машина с хлебом. Но из той квартиры до работы надо ехать с пересадкой. Я представил, как она ждёт автобус возле контейнеров и заранее вычитает эти двадцать минут из вечера. Можно было назвать десятое. Сказать, что до десятого я ничего ей не обещаю.

Утром у меня со склада был четверг. Нао я мог назвать только день, когда обещали начислить бонус. Я уже собирался сказать «десятого». Нао передала кому-то рядом: «Сейчас скажет».

— Верну. Двадцать седьмого.

Нао заговорила про ножки стола. Мы обсудили, войдёт ли столешница в лифт. Когда тащили диван в её первую квартиру, оба командовали «медленно», уже стоя на месте. Ключ от той квартиры всё ещё был у меня.

Нао сказала, что магазин закрывается, и отключилась. У перекрёстка тронулся мотоцикл. У стояночного автомата кто-то пытался всунуть купюру, и автомат завыл. У меня освободились обе руки. Я расправил воротник и зачем-то провёл пальцем под носом, как в детстве, когда нужно было проверить, не замёрзло ли лицо от долгого стояния на холоде.

Сестра прислала снимок. Я ожидал увидеть шкаф, а на экране оказался угол какой-то комнаты со светлым косым пятном на стене. Внизу в кадр попали её кроссовки. Снимок был сделан днём. Она приписала: «Вот здесь». Я увеличил снимок. Стол должен был встать на солнце.

В старой квартире Нао над столом был светлый прямоугольник от полки прежних жильцов. Когда я привинчивал на месте полки крючок под календарь, Нао сказала, что ей так даже нравится: можно гадать, какой толщины была книжка, которую здесь когда-то не успели прочесть. Я чуть не написал ей про свет. Написал: «Да, стол хорошо встанет» — и убрал телефон.

Дома меня ждали вчерашний рис и таблица, где утренние восемь тысяч всё ещё числились ноябрьскими. Я повернул в поперечный переулок. Из вентиляционной решётки над вывеской изакая «Фуми» тянуло жареным луком. У входа лежала прорезиненная перчатка, очень маленькая, с зелёным обшлагом. Я поднял её и положил на выступ, чтобы утром её можно было заметить.

Внутри пожилая женщина пыталась задвинуть ящик под стойкой. Я придержал его снизу. Задняя стенка вышла из паза и зацепилась за половицу. Мы вытянули ящик целиком, и на пол со звоном выпали два чайных ситечка.

— Если вам на двоих, садитесь с краю, — сказала женщина.

— Я один.

— Тогда тоже с краю. Там ножка у табурета целая.

Я заказал пиво. Она поставила передо мной тарелку лука. Я положил телефон рядом с ней, экраном вверх. На этот раз мне хотелось, чтобы мне позвонил кто-нибудь другой.

2. Две графы

1 декабря

Пока я ел лук, из кухни зазвонил телефон. Женщина сказала в трубку, что Томоэ никуда не делась и по-прежнему отказывается ставить на тротуар пластиковые столы. Так я узнал её имя. Собеседник, судя по всему, уговаривал её давно: она успела положить телефон на стойку, натереть имбирь и снова взять трубку, а он всё говорил.

К закрытию, кроме меня, остался мужчина с газетной головоломкой. Он ушёл, так и не заполнив последнюю клетку, и вернулся за газетой, когда Томоэ уже подложила её, сложенную вдвое, под поддон. Она дала ему чистую салфетку, чтобы записать условие. У выхода он опять остановился.

— Речь шла о месяце или о луне?

— О времени закрытия, — сказала Томоэ.

Он ушёл и забыл оранжевую шапочку от карандаша. Томоэ подняла её из-под табурета и поставила в прозрачную рюмку. Вернётся в третий раз — увидит сразу.

Я попросил счёт. Томоэ достала карандаш, на котором ещё читались названия двух пивных фирм, и записала лук, пиво и тарелку, про которую я забыл: редьку я съел, пока она спорила о столах.

Я сказал, что редька была хорошая. Томоэ спросила, какая: бледную она положила в кастрюлю в обед, тёмная варилась со вчера. Я не помнил. А ей нужно было решить, держать ли на плите обе кастрюли.

— Я пришёл из-за запаха лука. А про редьку сказал, чтобы вы меня хоть о чём-нибудь спросили, — признался я.

Она взглянула на меня поверх очков. У нас в семье таким взглядом встречали любую попытку объяснить, откуда у ребёнка два мороженых, если денег ему дали на одно.

— Вот пока и хватит вопроса про редьку, — решила она и унесла дощечку.

Вечер мог бы на этом и закончиться, вполне дружелюбно. Этот маленький трактир запомнился бы мне по двум кастрюлям, по хромому табурету, по человеку, который ушёл и вернулся. Месяца через два я, возможно, привёл бы сюда Нао, усадил с правильного конца стойки и попросил бы угадать, какой ломтик нынче старше.

Я расплачивался картой. Терминал не сразу выпустил полоску бумаги, и Томоэ попросила назвать фамилию для записи, чтобы проверить, прошёл ли платёж. Фамилию я назвал только со второго раза: сперва решил, что мне предлагают снова приложить карту. Услышав «Мидзуно», она перестала смотреть на терминал.

— Сюго?

Я кивнул.

— Подождите, — сказала она.

Томоэ ушла за стойку. Я перевернул карту лицевой стороной вниз. Если платёж не прошёл, рассудил я, сначала надо дождаться чека и только потом прикладывать карту ещё раз.

Года два назад такой же вежливый голос по телефону попросил назвать дату рождения. Я чистил репу и, пока называл месяц и год, успел перебрать всех, кому должен. Звонили из часовой мастерской: отец отнёс туда мои часы. Я вышел за ними, так и не дочистив репу.

Томоэ вернулась с тяжёлой папкой под мышкой. Из терминала выглянул край квитанции. Я подцепил её ногтем, сложил вчетверо и спрятал в карман. Деньги за лук ушли один раз.

Томоэ поставила папку на стойку корешком ко мне. Тесёмки были продеты через зашторанные прорези, как на старых папках у нашей матери. Томоэ развязала тесёмки и открыла папку с конца. Под задней обложкой был карман. Она прикрыла содержимое салфеткой и вынула один бланк.

Моя карточка была зелёная, чуть желтее у края. Разлиновка шла почти до самого обреза. В верхней строке, под словом «должник», стояло «Сюго Мидзуно». В нижней, под словом «кредитор», — «Сюго Мидзуно». Между ними умещалось всё содержание долга — два слова: «одна правда». Даты и подписи не было. Там, где на фабричных бланках оставляют место под печать, бумага была продавлена. Я наклонил карточку к лампе. Вмятина шла поперёк волокон, к самому краю.

Я ещё раз поискал подпись. В паспорте я обрываю последний штрих коротко, чтобы не вылезти за поле. Здесь подписи не было вовсе. Кто-то дважды написал моё имя своим почерком.

Возле «должник» имя выглядело привычно. Я передвинул карточку ближе. Под «кредитор» снова был я.

Я закрыл нижнюю строку большим пальцем. Кто-то мог спросить с меня правду. Первой на ум пришла Нао. Я сдвинул палец наверх. Теперь спросить мог я. Так и держал карточку.

Я сказал, что терминал мог вывести моё имя дважды. Томоэ посмотрела на тонкую синюю черту от шариковой ручки.

— Терминал, говорите?

Лучше бы она засмеялась. Повторённое её голосом, моё объяснение и правда звучало смешно. Я уже подбирал другое.

— Переписали не ту строку. У нас так бывает с адресами: заказывает сын, получает отец, а потом в карточке выходит, что всё сделал один человек.

Томоэ спросила, какие именно буквы выглядят случайными. Я снова посмотрел на карточку. На копирку похоже не было. Штрих в первом имени шёл чуть круче, во втором — чуть круглее. У первой графы писавший оставил небольшой отступ, у второй начал ближе к самому краю. Писали дважды, отдельно для каждой графы.

Я спросил, есть ли у книги правила. Томоэ поставила ложку на полотенце, вытерла руки и села на табурет по другую сторону стойки. С этого места она выглядела посетительницей, которую почему-то забыли обслужить.

— На первой странице правил нет, — сказала она. — Люди договариваются между собой. И есть люди, которые потом помнят договорённость по-разному.

— Если я не помню, как согласился, — сказал я, — это считается согласием?

— Я не говорила, что вы соглашались.

— Тогда почему вы храните запись?

— Потому что её принесли.

— Значит, достаточно прийти и написать на другого человека всё что угодно?

Она посмотрела на тесёмки. Кончик одной был обмотан ниткой другого цвета.

— Недостаточно, — ответила она. — Но от того, что я выброшу бумагу, человек, который её принёс, не перестанет думать, что прав.

Я ждал, что Томоэ станет защищать свою книгу. Тогда с ней можно было бы поспорить. Она оставила карточку передо мной.

За дверью кто-то прошёл, волоча по асфальту колесо тележки. Звук повторялся с каждым оборотом: короткий скрип, удар, пауза. Томоэ поднялась проверить, не оставили ли снаружи ящики. Я остался один с раскрытой книгой и понял, что ничто не мешает мне перевернуть страницу: ни замка, ни стекла. Из-под соседней салфетки виднелся край белой карточки и половина чужого иероглифа. Я даже потянулся к нему — и отдёрнул руку, пока салфетка не сдвинулась.

Когда Томоэ вернулась, я сидел с руками на коленях. Она ничего не спросила. На улице никого не оказалось, только у стены стоял чей-то складной зонт. Она поправила салфетку над соседней карточкой привычным движением.

— А если я скажу, что карточка ошибочная? — спросил я.

— Я запишу, что вы так сказали.

— Прямо здесь?

— Не на вашей карточке. В отдельной тетради.

Она достала из-под стойки тонкую тетрадь с размокшим углом. Там были даты, короткие заметки о посетителях и несколько записей, перечёркнутых одной линией. Слов я разобрать не мог, а ближе она тетрадь не пододвинула. Я поискал глазами пустую строчку для отказа, но вслух сказал, что пока не готов назвать запись ошибкой.

Томоэ убрала книгу под кассу. Карточка осталась передо мной.

На обороте просвечивала разлиновка. Я попросил хотя бы вписать дату. Томоэ осмотрела карточку и отказалась.

Я накрыл имя пальцем. А если завтра кто-нибудь сядет на мой табурет и прочтёт оба имени вслух?

— Когда это принесли?

Томоэ вытащила из посуды столовую ложку, которую собиралась положить в сушилку. Карточка лежала передо мной, а Томоэ всё перебирала посуду.

— Не сегодня.

— Можно узнать, кто?

— Пока вы можете посмотреть.

— А что, я раньше уже соглашался посмотреть?

Она посмотрела на карточку, туда, где стояло моё имя. В зале, кроме нас, никого не было.

Томоэ сказала, что к моему счёту за ужин эта карточка отношения не имеет.

— Можно взять?

Томоэ придержала карточку ребром ладони.

— Посмотреть можете.

Я снял руку со стойки. На кухне остывала сковорода. С неё с редкими щелчками отпадали капли масла.

— Есть ещё один Сюго Мидзуно, — сказал я.

— Наверняка. Я спросила, как вас зовут. Вы могли ответить, что я обозналась.

Ещё у киоска, обещая Нао двести сорок тысяч, я понятия не имел, где буду ужинать. И фамилию назвал только из-за того, что заел терминал.

— Если я вам скажу, что такой долг мне не нужен?

— Вы мне уже сказали?

Я открыл рот. Томоэ перехватила треснутую крышку терминала другой рукой и подождала.

Я попросил назвать того, кто принёс карточку. Томоэ надела крышку на терминал. Сегодня, сказала она, можно показать только запись обо мне.

— Зачем вообще было показывать?

— Я себе этот вопрос задавала, пока доставала книгу. Теперь поздно.

Я записал фразу в телефон. Томоэ не разрешила фотографировать книгу целиком. Когда я поднялся, она спросила, не прихватил ли я ненароком зелёную перчатку с порога. Я сказал, что нашёл её у двери и положил на выступ. Оказалось, это Томоэ обронила свою. По виду перчатка вполне могла принадлежать ребёнку. Томоэ натянула её на руку, и зелёный обшлаг остановился ровно у запястья.

По дороге я открыл переписку с Нао так, чтобы не увидеть последнее сообщение. На экране появилась фотография, присланная несколько месяцев назад. Она сфотографировала мою обувь возле своей двери и приписала, что я опять оставил её на самом проходе. Теперь, три месяца спустя, можно было бы ответить, что это тонкий способ сообщить о своём присутствии. Тогда я ответил, что скоро заберу.

Возле моего дома загорелся свет в одном окне подъезда. Я успел услышать, как там кто-то поставил обувь на металлическую полку. На обочине стоял погнутый велосипед, давно без всякого замка. Я какое-то время всерьёз разглядывал его: вдруг это сестрин, который мы когда-то так и не нашли. Этот был длиннее и другого цвета. Я мог рассказать Нао про странную карточку, и она без труда нашла бы на ней то, над чем можно пошутить. Только сначала пришлось бы объяснить, почему вместо разговора с ней я сидел у незнакомой женщины и выяснял, кому должен.

Дома я увидел, что записал «одна правда?» со знаком вопроса. Удалил знак, потом поставил снова. Оставалось понять, что Томоэ увидела на терминале.

На платёжной бумажке были время, сумма и последние цифры карты. Под словом «одобрено» — пятнышко жира. Фамилию я ей назвал. Имя она произнесла сама, ещё до того, как я кивнул.

Я открыл банковское приложение, чтобы убедиться, что оплата в «Фуми» прошла только один раз. Рядом с названием заведения стояла сумма, которую я помнил и так. Чуть ниже — утренний перевод на игровой счёт. У него было безликое обозначение, составленное из букв и цифр. Я прокрутил выписку так, чтобы счёт за ужин и ставка больше не попадали на один экран.

Пальцем я смахнул строку с переводом. В таблице расходов существовала категория «развлечения». Иногда я записывал туда билеты в кино, иногда ставку, а иногда вообще ничего. В конце месяца эта категория выглядела скромно. Всё остальное лежало под названиями, которые приложение присваивало само, и не мешало мне рассказывать себе, что я умею считать.

Телефон предложил включить уведомления о расходах. Я отказался. Уведомления денег не прибавят. Нао, напротив, включала всё, что можно было включить. Когда мы были детьми, она складывала монеты по размеру в крышку от коробки с печеньем. Я однажды взял оттуда мелочь на автомат с напитками, потом вернул купюру и сказал, что теперь она даже в выигрыше.

Я хотел написать ей: «Нашёл сегодня странную вещь». Так разговор о двадцать седьмом числе можно было отложить надолго. Она спросила бы, что за вещь, я описал бы зелёную карточку, потом мы обсудили бы хозяйку заведения. Мне даже представилось, как Нао смеётся над условием «одна правда» и предлагает вернуть долг честным ответом на вопрос о шкафе. Она бы опять спросила про деньги. Я ничего не отправил.

На кухонном столе лежал чек из продуктового магазина. Я взял ручку и на обороте написал три числа: остаток на счёте — девяносто пять тысяч, долг Нао, сколько рассчитываю получить в конце месяца. Дважды подчеркнул то число, которое ещё не знал точно. С ним обещание Нао пока сходилось.

Разница нашлась быстро: чужое кресло нельзя было заменить удачной ставкой. Сестрин долг, если верить моим расчётам, ещё можно было. Я сложил чек вчетверо, подсунул под банку с чаем и задвинул её к стене.

В старом телефоне у меня когда-то хранились фотографии моих пропусков, которые я отправлял в кадровый отдел. Тогда любой человек с доступом к моим письмам мог узнать, какими знаками пишется моё имя. Если рассуждать дальше, хватило бы визитки, упаковочного листа, чьей-нибудь памяти. В младшей школе, когда к нам в класс перевели другого Мидзуно, на бирке внутри моей сандалии дописали первый знак имени. Срежь бирку — и сандалия снова ничья.

Я развернул компьютер к стене, чтобы экран не отражался в оконном стекле, и набрал фамилию и имя. В результатах оказался пожилой человек с небольшой гончарной выставкой. Накануне открытия он сфотографировался у полки с чайниками. Нашёлся бейсболист из университетской команды, в кепке, надвинутой на глаза, и человек, который хотел продать старый

мотоцикл за круглую сумму. Как минимум двое из них записывали своё имя в точности теми же знаками.

Я открыл рядом с гончаром фотографию со своего пропуска. Знаки совпадали. Я сохранил снимок гончара. Завтра спрошу Томоэ, видела ли она этого человека. О себе спросить ещё успею.

3. Где ставить подпись

2 декабря

По дороге на работу я искал, когда открывается «Фуми», и нашёл ещё две с таким же названием. Одна закрывалась на обед, другая продавала капусту. Нашу я узнал по белому пятну, где прежде крепилась вывеска. В отзыве трёхлетней давности кто-то написал, что там водятся мелкие долги, так что лишнего платить не стоит. Заведение ответило: «Дайте знать, если сдача не сошлась».

За час до конца смены позвонил покупатель, у которого вчера закончился срок возврата. На кассе ему сказали «в ближайшие дни». Он помнил должность сотрудника и цвет его футболки, а мне для проверки нужна была фамилия. Пока он подбирал слова для оттенка синего, я решил, что вечером снова поеду к Томоэ.

Уйти к открытию «Фуми» я мог, потому что утром отработал первый час за коллегу, которая по вторникам возила отца к парикмахеру. Дома его стригли и так, но ему хотелось большого зеркала и бумажного воротничка.

Для Томоэ я сохранил две фотографии. На выставочном плакате имя гончара было набрано крупно. У бейсболиста пришлось увеличить подпись, и в кадр попала колонка с результатами игр. В кармане у меня лежал вчерашний чек. Имени там не было.

Перед «Фуми» я позвонил на линию нашего отдела, как обычный покупатель. У нас на экране время ожидания показывала цветная полоса с цифрой. Теперь я впервые дослушал мелодию до конца. Ответила коллега, с которой я поменялся часами.

— Извини, — сказал я. — У меня короткий вопрос. На прошлой неделе приходила та благодарность, которую адресовали не мне? Ты ещё хотела сверить наши имена.

Она узнала меня и сказала, что видит на экране и имя, и фамилию, и последнюю запись по моему домашнему номеру. В старой записи значилось, что я просил поменять мне чайник, купленный со скидкой для сотрудников. Я работал тогда только вторую неделю, кнопка у чайника не работала, а руководитель запретил нам обращаться к соседу по столу с личной просьбой. Пять лет спустя за моим голосом всё ещё тянулся тот сломанный чайник.

— Я, собственно, про благодарность.

— Потом выяснили. Старший Мидзуно в среду в отпуске был. Клиенту ты помог.

Коллеге звонили по второй линии. Я поблагодарил её и убрал телефон. На работе двух Мидзуно различила одна строка в графике. Для Томоэ у меня были только фотографии.

Я пришёл к открытию и застал Томоэ у ведра. Она отмачивала в нём ленту ткани с вывески. Красная вода расползалась по белому пластику. Я спросил, чем помочь.

— Подождите там, где сухо.

У столика со свежей пачкой салфеток я по привычке распахнул окно. Соседский вытяжной вентилятор нагнал в зал дым с запахом подгорелого жира. Томоэ закрыла окно, не сказав ни слова. Потом поставила мне суп, который я ещё не успел заказать, и спросила, придумал ли я за ночь что-нибудь умнее вчерашнего.

Я показал фотографии. На экране они оказались одна под другой: пожилой гончар склонился над своими чашками, а сразу под его локтем спортсмен в кепке ловил подачу. Томоэ сразу указала на первый чайник слева. С него, сказала она, крышка свалится, если не прижать её пальцем. Я увеличил снимок. Томоэ нашла под крышкой зубчик и успокоилась за мастера.

— Я хотел спросить про самого человека, — сказал я. — Вы его знаете?

Томоэ подвинула телефон обратно. Я показал подпись: написание совпадало. Может, карточку оставил он, а я вчера зря откликнулся.

— Тот человек при вас писал?

— А если мне завтра покажут ваш снимок, мне сразу рассказывать, о чём вы сегодня спрашивали? Иногда родственники кого-нибудь ищут. Я передаю, что его ждут. Придёт — поговорят.

Бейсболист на экране всё ещё ловил мяч. Я положил телефон перед собой.

— Хорошо. Могу спросить хотя бы про себя? Вы ждали человека с моим именем?

— Час я вам не назначала.

Томоэ выудила из кастрюли два разбухших листика. Я вспомнил, что вчера свернул сюда из-за запаха жареного лука. Пройди я на полчаса позже, решётка была бы уже опущена.

— Как сказали «Мидзуно», так и вспомнила, — произнесла Томоэ. — Я собиралась, если когда-нибудь объявится человек с таким именем, дать ему прочитать. Вчера объявились вы. Расплатись вы наличными, я бы и фамилии не узнала.

— А если Сюго Мидзуно придёт ещё раз, только другой?

— Разберусь, когда придёт.

На фотографии гончар держал чайник обеими руками. До вчерашнего вечера я не знал о нём ничего. Теперь мне было нужно, чтобы он хоть раз в жизни зашёл в «Фуми». Я погасил экран и спросил про карточку.

Томоэ показала одну из принятых карточек, прикрыв имена пальцем. Человек обещал вернуть сестре семейные фотографии, когда та принесёт флешку. Вторая подпись стояла чуть сбоку, другим почерком.

— А если вторая сторона не приходит?

— Обычно первая идёт домой. Если долго не идёт, покупает ещё пива.

Принести заявку мог и один человек. Но мать Томоэ подшивала её, только если соглашался второй. Томоэ подвинула к кассе узкую тетрадь с пришитым ярлыком «Отказы». Я потянулся посмотреть, и она накрыла тетрадь полотенцем.

Однажды, сказала Томоэ, человек принёс матери расписку с двумя подписями. Требовал подшить её, чтобы знакомый перестал отрицать долг. По словам посетителя, знакомый болел. Мать предложила зайти к нему вместе.

— И что было?

— Мужчина забрал расписку. Сказал, что мы вмешиваемся не в своё дело.

Я ждал, что Томоэ скажет, чья подпись оказалась фальшивой. Больше она ничего не сказала.

— Получается, вы могли отказать честному человеку.

— Могли. Поэтому мать и не говорила, что он врёт. Она говорила: без второго человека я не знаю, что это за бумага.

У нас на работе такую осторожность называли потерянным обращением. Я однажды предложил сократить проверку согласия. Клиенту, говорил я, неинтересно слушать два одинаковых вопроса. Начальник похвалил меня.

— Если кто-то принёс сюда карточку с моим именем, — сказал я, — разве вы не должны были сначала найти меня?

— Должна была решить, что с ней делать. Найти вас — другое дело.

— Но вы оставили её.

— Оставила в кармане под обложкой. К принятым записям не подшивала. И не показывала никому, пока вы сами не назвались.

Из кармана под обложкой торчал уголок карточки. Я взялся за него двумя пальцами.

— А если я скажу, что это не моё?

— Я уберу лист. Но не смогу сделать так, чтобы тот, кто его написал, перестал так думать.

Я отпустил карточку. Томоэ вернулась к посуде. Я промокнул салфеткой мокрый след от стакана.

— Если должник совпадает с кредитором, подпись нужна одна? — спросил я.

— Хоть одна-то нужна.

Я попросил чистый бланк. Томоэ достала из ящика полоску с оборванным углом. Сквозь бумагу просвечивали тёмные линии. Я попробовал на глаз разметить верхнюю и нижнюю строки и обнаружил, что запомнил карточку шире, чем она была. Если писать так, как я собирался, для подписи не хватило бы места.

— Это один набор? — спросил я.

Томоэ сказала, что режет карточки из больших листов. Зелёные и жёлтые бланки напечатали на остатках бумаги. За бумагу другого цвета типография просила денег.

Я написал своё имя дважды. Когда писал во второй строке, первая уже оказалась под ладонью. Повторить знаки было легко. Я подвинул полоску к Томоэ.

— Если бы я сейчас отдал это вам, вы бы сразу заметили?

Она сдвинула полоску обратно.

— А что вы хотите, чтобы я с ней сделала?

— Представим, что это моя заявка.

— Представим, что я беру её у вас. Кого позвать для второй подписи?

Я поднял ручку. Ниже двух одинаковых имён пустовало место для подписи. На моей зелёной карточке оно тоже было пустым. Я перевернул полоску.

У нас на работе кнопка «Согласие получено» передавала заявку дальше. Иногда я перезванивал: человек соглашался только выслушать условия. В дни, когда очередь на экране краснела, второй звонок казался мне роскошью. Вечером строка всё равно зеленела.

На чистой стороне я написал: «Мне нужно подумать». На втором слове перо зацепилось за волокно. Строкой ниже я приписал: «Согласен».

— Допустим, человек сказал первое, — произнёс я. — А я записал второе. Вы ведь не сможете узнать?

— Если он придёт, смогу спросить.

— А если не придёт?

Томоэ посмотрела не на мою бумагу, а на чашку у края стойки. Подняла её, проверила, не осталась ли вода на дне, и переставила ближе к мойке.

— Тогда не надо писать, что он согласился.

Накануне Нао спросила, верну ли я деньги двадцать седьмого, и я сказал «верну». Она выбирала квартиру и хотела знать, может ли рассчитывать на собственные сбережения.

Из кухни донёсся звук упавшей крышки. Томоэ ушла, а я открыл список непрочитанных сообщений. Там была фотография от Нао. Я оставил её непрочитанной.

Когда Томоэ вернулась, я перечеркнул обе фразы, сложил полоску и положил в корзину. Угол с моим именем торчал наружу. Я прикрыл его другим обрезком.

— Зачем вы оставили мою карточку?

Томоэ наконец освободила место для грязной посуды и забрала у меня блюдце, а суп оставила.

— Когда есть что спрашивать у меня, спрашивайте у меня. Не таскайте сюда людей из газет.

Она достала из корзины мою полоску, разорвала над ведром и вернулась к посуде. Настоящая карточка осталась под обложкой.

Я подул на ложку и поймал себя на рабочей улыбке. Так я улыбаюсь, когда клиент просит повторить сказанное слово в слово. Из-за тёмной шторы в глубине раздался голос: если человек сам выкинул коробку, разве сам он не мог её и забрать? Кто-то ответил, что в условии коробка фигурирует как упаковка, а не как самостоятельная ценность. Томоэ сказала, что ценность её шторы скоро можно будет оценить в иенах, если ещё кто-нибудь дёрнет её за край вместо того, чтобы отодвинуть.

По стене тянулась полка с бутылками, на горлышках висели бумажные бирки. Томоэ сняла одну бутылку, посмотрела на номер и сверилась с толстой пачкой копирок. У бутылки было два имени, одно перечёркнуто.

— Друзья поссорились? — спросил я.

— Развелись. Я три года говорю, что продам им по бутылке, если только перестанут выяснять у меня, кто сколько выпил.

Продажи бутылок её мать отмечала на копировальной бумаге. По копиям можно было сверить вечернюю выручку и вернуть покупателю бутылку, когда он приходил за остатком. Томоэ достала нужный лист из пачки. Старые пачки лежали под ним, перетянутые резинками.

Женщина у двери развязала один из двух узлов и вернула глубокую миску. Томоэ осмотрела кромку и спросила, удалось ли накормить сына.

— Пришёл уже после того, как я тебе звонила. Съел стоя, сказал, что теперь должен.

— Тарелку вы вернули. За сына я не беру.

Женщина всё-таки положила на блюдце монеты. Томоэ часть подвинула обратно. Пока они торговались, я подал Томоэ миску с сушилки вместо возвращённой. Она переставила их местами.

— У этой скол справа. Она со мной уже лет десять.

Женщина переспросила, кому именно давали миску до неё. Оказалось, мать Томоэ выдавала их в соседние дома, если покупатели хотели отнести что-нибудь горячее и обещали вернуть посуду. Половину мисок вернули, половину, по словам Томоэ, до сих пор обещают вернуть. Я спросил, есть ли они в книге. Томоэ заглянула в мою чашку, дошла до чайника и долила мне воды.

— Если бы я записывала, кто мне должен посуду, мне пришлось бы у кого-нибудь занимать полки для книг.

Во втором узле лежала тонкая лепёшка из яиц и лука. Томоэ сказала, что возьмёт, если только это не плата за вчерашние две порции. Женщина снова села. Они обсуждали, с какого края лепёшка вышла тоньше, а я дождался, пока Томоэ уберёт копирки обратно на полку.

Томоэ убрала книгу. За шторой искали переходник для проектора. Из щели высунулась рука с пустой чашкой. Томоэ взяла чашку и сунула в ладонь полную.

— У них что, отдельный вход? — спросил я.

— Нет. Просто думают, что их никто не слышит.

За шторой заскребли ножки стола. Кто-то приподнял его за другой край, и скрежет сразу прекратился. Снова заговорили про коробку.

— Они тоже вещи сюда записывают? — спросил я.

— У них своя бумага.

— А о чём они говорят, вы иногда узнаёте?

Томоэ вытерла руки и отодвинула стул от прохода. Послушать можно, сказала она. А если хочу сесть, придётся сперва спросить у них.

С той стороны кто-то попросил ещё чашку, и я передал её через проём человеку с очень тёплой ладонью. Чашка немного качнулась. Он тут же перехватил её поудобнее и сказал спасибо, не поднимая шторы.

Она протянула мне чек. Я его оплатил и остался сидеть.

Из задней комнаты попросили погасить верхний свет. Томоэ протянула руку к выключателю, но попала по соседней клавише. У стойки стало темно, а в дверном проёме осталась светлая полоса. Сквозь щель я увидел на стене проекцию чужой фотографии. Человек, который её показывал, отошёл на шаг, и с края кадра исчезла его тень.

— Тут же ничего нет, — сказал я.

Человек за шторой услышал.

— Вот именно, — ответил он с таким удовольствием, будто только меня здесь и не хватало. — Вы с какой стороны смотрите?

Я положил оплаченный счёт под стакан. Отвёл штору, чтобы из комнаты меня было видно, и спросил, можно ли подвинуть стул к стене.

— Садитесь, — сказали мне. — Сейчас опять покажем сначала.

4. Упаковка

2 декабря

На стене, к которой я подвинул стул, светилась фотография пола. Серый прямоугольник, по краям полосы от веника. Кэнтаро Исии говорил, что обязательство выполнено. У Такэси Ноды на коленях лежала куртка в машинном масле. По его словам, фотография доказывала только, что пол подмели.

Мне уступили место рядом с розеткой. Когда я сел, свет на стене погас. В темноте никто не спросил, что случилось. Такэси нащупал у меня под ногой выбитую вилку, Кэнтаро велел мне чуть отодвинуться. Фотография вернулась. На заломе обоев край прямоугольника выступал вперёд. Я показал на него. Такэси взял бумажную распечатку той же фотографии и положил передо мной. На листе эта сторона прямоугольника была совершенно плоская.

— У новичка уже есть мнение, — сказал Кэнтаро.

— Пока у меня есть каблук, — ответил я и поставил ногу подальше от розетки.

Томоэ просунула голову в проём: на кухне пропала вилка. Мы показали свою, электрическую. Она сказала, что такой пусть едим сами, и ушла. Такэси подвинул распечатку ко мне.

У правого края снимка была видна детская нога. На носу домашней туфли белела заплата. Когда нам на работе присылали фотографию сломанной кровати со спящим ребёнком, я просил переснять доску отдельно. Здесь ногу оставили. Я спросил зачем.

Такэси присмотрелся к листу и сказал, что это большой палец руки фотографировавшего. Белая заплата была бликом на ногте. Стоило ему это показать, и никакого мальчика я на бумаге больше увидеть не мог. Взрослый человек стоял на лестничной площадке и пытался одной рукой сфотографировать пол, а другой открыть дверь. Большой палец задел объектив. Никаких туфель на этом снимке вообще не было.

— Видите, какая здесь ответственная должность — смотреть на стену, — сказал Такэси.

После этого я решил держать свои предположения при себе чуть дольше, чем они обычно у меня задерживаются.

Оба бланка по этому делу были подписаны. Он обещал освободить коридор для прохода, она — не выбрасывать коробку без его согласия. Я спросил, проходил ли там человек с ходунками. На снимке вдоль стены виднелась полоска наждачного покрытия. Такэси сказал, что ходунков в деле нет. Женщина рядом с проектором перевернула лежавший перед ней лист.

— В изложении дела, — поправила она. — В самом деле мы не знаем.

Она представилась Маи и сказала, что сядет у выхода: ей ещё надо дочитать рукопись для издательства. Кэнтаро предложил ей заодно поправить клубный регламент. На обложке значилось «Порядок окончательного предварительного рассмотрения».

— Окончательность нужна для торжественности, — сказал я.

— Предварительность для безнаказанности, — ответила Маи.

Кэнтаро вынул из регламента салфетку, протёр очки и размазал жир по стеклу. Пошёл к Томоэ за чистой.

Пока Кэнтаро ходил за салфеткой, ко мне повернулся его сосед. Такэси не успел нас представить: Окада сам назвал мою фамилию.

— Мидзуно, — сказал он. — Мы с вами виделись.

У него был низкий голос человека, который часто выступает перед группами и уже знает, с какого места его плохо слышно. Я не мог вспомнить, где мы встречались. Он ничего не сделал, чтобы мне помочь. Подтянул провод к стене, чтобы я снова его не зацепил, и объяснил правила прогнозов.

По вторникам за шторой собиралось около двенадцати человек. Для каждого дела сначала спрашивали обе стороны и записывали, что именно будет считаться исполнением. На это

давали тридцать дней. Кто хотел, ставил от тысячи до трёх тысяч. Ходить за людьми, чтобы подтолкнуть их к исходу, было запрещено. Имена из книги в протокол не переносили.

Я спросил, может ли участник забрать своё объяснение. Окада ответил, что лист вернут. С собранными деньгами придётся разбираться отдельно.

Такэси напомнил историю с лестницей. Сосед обещал починить её и вернуть, а потом забрал своё объяснение. Окада отдал лист в конверте. Деньги тогда ещё не успели собрать.

— А как тогда узнают, вернули ли лестницу? — спросил кто-то.

— Я-то знаю, — ответил Такэси. — У меня она лежала поперёк пола. В четверг приехали двое и увезли. Кто за какой конец взялся, я и не смотрел.

Окада сказал, что, если соседи уже поговорили, продолжения им от Такэси не нужно. Отодвинул проектор, и на стене показалась полоска пола, которую прежде закрывала штора.

— А зачем деньги? — спросил я.

— Без денег он три раза за вечер поменяет мнение, — сказал Кэнтаро, вернувшись.

Такэси пожал плечами.

— С деньгами люди тоже меняют мнение. Просто стараются сделать это, пока ты в туалете.

Я спросил, почему в объяснении владельца коробки не хватает последней строки. У края копии виднелась половина обрезанной буквы. Окада прислонил лист к стене. Сказал, что оригинал, видно, съехал на стекле. Маи тут же попросила оригинал. Он сказал, что сегодня не взял с собой. Она вернула ему копию, не поставив на ней отметку, которую, видно, ставила на других листах.

Один жилец оставил на площадке коробку с матрасом и попросил соседку не выбрасывать её до первого декабря. К этому дню они условились освободить проход. Соседке коробка загораживала кладовку. Этажом выше жил человек с тростью, которому на площадке нужно было поставить обе ноги и перевести дыхание.

Первый прогноз сделали четвёртого ноября. Тридцать дней истекали четвёртого декабря. Окада сказал, что на снимке от первого коробки уже нет. К девятому он обещал принести оба объяснения и только тогда рассчитаться.

Такэси сказал, что проще позвать человека с тростью и посмотреть, сможет ли он пройти.

— Нельзя, — возразил Кэнтаро. — Если кто-то из нас приведёт его, мы изменим то, на что поставили. Хозяин коробки может увидеть, для кого освобождает место, впервые за месяц. После этого ещё спросите, зачем ставили.

— И привёл бы, — сказал Такэси. — На середине лестницы я бы уже забыл, на что поставил.

На втором снимке коробка стояла у стены. Кэнтаро спросил, что изменилось. Я сказал, что коробку вынесли. Маи поправила: её больше нет в кадре. Такэси нашёл на обоих снимках один след возле плинтуса. Значит, фотографировали тот же участок.

— Если мы не установим условие заранее, — сказал Кэнтаро, — любой результат можно будет объяснить задним числом. Деньги достанутся тому, кто убедительнее всех объяснит результат.

— Тогда запишите отдельно, что вы проверяете, — предложил Такэси. — Коробка исчезла. Проход свободен. Человек может пройти. Это три разных вещи.

Кэнтаро записал три строки и под третьей оставил место. Окада спросил, кто пойдёт проверять. Карандаш так и остался над листом.

— А человек с тростью сам просил, чтобы сюда принесли эту историю? — спросила Маи.

— Оба объяснения перед вами, — сказал Окада.

— Я про третьего.

Маи попросила двоих прочитать, чего хотят те, чьи письма лежат перед ними. Первый сказал: «Просил оставить её до первого декабря, до переезда». Второй начал: «Я много раз просила его убрать». Маи забрала лист. Там стояло: «Я много раз хотела попросить».

Дважды соседка только собиралась спросить. Один раз встретила соседа с мокрой головой и пропустила его домой. Потом сама поднялась и позвонила.

В другом письме сосед рассказывал, что сперва пошёл извиняться за шум: у него клеили обои. И только внизу заметил, что коробка подпирает дверь её кладовки.

Кэнтаро разложил три листка. В каждом две графы: «предполагаемый исход» и «основание». Попросил заполнить до четверга. Я взял карандаш. На стене всё ещё светилась фотография пола.

— Можно оставить вторую пустой? — спросил я.

— Можно, — ответил Кэнтаро. — Только потом не говорите, что у вас были основания.

Такэси потянулся посмотреть мой бланк. Я прикрыл его ладонью. В приложении я тоже сначала выбирал исход, а потом подыскивал основания. Только там их никому не нужно было показывать.

Я написал «Коробку убрали». Примерился вписать рядом «Фотография» и отдал карандаш. Кэнтаро положил мой лист сверху.

Окада заметил, что вторая графа пустая, и пошёл дальше. Я всё ждал, что кто-нибудь о ней спросит. Утром Нао задала мне вопрос попроще: когда я переведу деньги.

Пока остальные надевали пальто, я написал ей: «Вечером напишу точно». Выше стояло вчерашнее сообщение. То же слово: «точно».

У двери у Маи лопнула резинка на рукописи. Я поднял страницу с красной пометкой: «Откуда она это знает?» Маи забрала лист и проверила, не осталась ли у стола ещё одна страница.

Маи спросила, увидит ли хозяин коробки итог. Окада сказал, что отдаст выписку, если тот попросит. Она оставила свой экземпляр на столе и ушла.

У двери Кэнтаро спросил Такэси, какой исход записать, если они так и не узнают, свободен ли проход. Некоторые внесли по три тысячи. Им надо было что-то сказать.

— Вернёшь взносы, — сказал Такэси.

— А если они скажут, что я меняю правила, когда вижу результат?

— Так и скажи: коробки нет. Проход мы не проверили.

Кэнтаро посмотрел на него почти обиженно. Такэси только застегнул пропущенную пуговицу на его пальто.

На следующей неделе они хотели обсуждать новый случай. Окада предложил мне прийти. Томоэ, когда я проходил мимо стойки, сказала, что он распоряжается временем собрания, а книгой распоряжается она. Я ответил, что, кажется, уже слышал это от неё.

— В таком случае вам хватит двух раз, — сказала она.

Пока я застёгивал пальто в передней, к стойке подошла женщина в дождевике. Дождя не было. Край дождевика почернел от велосипедного колеса, и женщина держала его в кулаке, чтобы не испачкать чистый рукав. Она спросила Окаду, можно ли у него занять минуту. Он отодвинул чашку к краю и подвинул ей табурет. Она осталась стоять.

После смерти матери у неё осталась расписка на имя соседа. Сосед давно уехал. Женщина думала, позвонить ему или выбросить бумагу. Окада попросил пока ничего не читать вслух.

Она села и вынула из кармана три полоски под одной скрепкой.

Окада спросил, чего она хочет от соседа. Женщина сжала полоску и тихо сказала, что хотела бы поговорить с человеком, который знал её мать. Он предложил оставить расписку в коробке до разговора. Всё это время она пододвигала к нему лист, а он так его и не взял.

Когда женщина ушла, Томоэ вытерла край стойки. Окада подал ей забытую скрепку. В прошлый раз, сказал он, эта женщина сидела у двери и тоже ушла голодная. Томоэ положила скрепку на табурет, где та сидела. «Я помню».

Пока Окада убирал провода, я подержал проектор. Такэси сунул под ножку салфетку. Стол, сказал он, качается дольше, чем существует их клуб.

Я спросил Такэси, зачем он ходит, если почти ни с чем не согласен. За стенкой Окада расплачивался за комнату и еду: в пустые вечера он доплачивал из своих. Такэси сказал, что после одной ссоры никак не мог отдать клиенту машину. Окаде хватило часа, чтобы разобраться с ценой ремонта, и полчаса из этого часа он слушал, какой же клиент придурок. Ради этих получаса Такэси и приходил.

— Клиент хоть забрал машину?

— Дочь его забрала. Просила показать, как отодвигать сиденье. Я-то думал, они про цену опять спросят.

У дверей я попросил у Томоэ правила. Она обернулась к стойке, где лежала и книга. «Только правила», — уточнил я.

Одну копию я взял про запас. Дома прикрепил её магнитом к холодильнику. Несколько дней лист висел чистой стороной наружу. На обороте было написано, в каких случаях нужно выслушать обе стороны. Прийти снова я уже собирался.

5. Случай М.

9 декабря

Через неделю, во вторник, я снял правила с холодильника и сложил вчетверо. В отделе я сам попросил отпустить меня пораньше. Начальник решил, что я записан к врачу. У него перед глазами висел календарь, сплошь исписанный чужими врачами, утренниками и днями, когда надо впустить водопроводчика. Я сказал, что просто договорился быть в одном месте к семи.

— Запиши, — сказал он и подал мне ручку.

В клетку девятого влезло «Мидзуно, до шести». Я поставил точку. Мне понравилось, что моя фамилия стоит между зубным у Сасаки и доставкой холодильника.

Без четверти шесть мне попался мужчина, заказавший две одинаковые тумбочки. Ему привезли левую и правую. Если поставить их по обе стороны кровати, получилась бы пара. Ему нужны были две левые. Я сразу нашёл заказ. В окошке с пожеланиями кто-то написал «настаивает». Я успел представить упрямого старика, который сейчас начнёт объяснять мне, кто здесь платит деньги. Мужчина сказал:

— Младшая дочка всё делает за старшей. Если дверцы будут открываться по-разному, они и спать не лягут, пока кто-нибудь не победит.

На заднем плане раздалось торжествующее «Я слышала!». Он ушёл говорить в другую комнату. Я проверил артикул, договорился о замене и стёр в своей записи «настаивает». Написал «Заказаны две с петлями слева». Мужчина хотел выяснить что-то ещё, но я уже смотрел на клетку календаря.

— Старую надо разобрать? — спросил он.

Я повесил трубку: время разговора укладывалось в норму. Потом перезвонил и сказал, что разбирать ничего не надо, водитель заберёт с порога. Девочка уже принесла отвёртку. Отец попросил её положить инструмент туда, откуда взяла.

По дороге в «Фуми» я подбирал рассказ про две дверцы. Такэси спросил бы, нельзя ли просто перевесить петли. Маи, наверное, заинтересовало бы слово «настаивает». Пока я шёл, рассказ становился всё лучше: в нём я с первой минуты понял, зачем нужны две одинаковые дверцы. До «Фуми» оставался переулок. Я решил пока ничего не рассказывать.

В тот вечер Томоэ понадобилась моя спина. Она стояла на пороге с охапкой выстиранных передников и попросила подпереть дверь, пока она перехватит их поудобнее. Один передник сполз, и я ухватил его зубами.

— Сушить отдельно, — распорядилась Томоэ и забрала его двумя пальцами.

Маи посторонилась, пропуская меня к столу. Пока я вытирал рот, она успела передвинуть ко мне стопку листов.

К семи Такэси пришёл с ключами от чужой машины. Владелец обещал забрать машину до семи, но так и не приехал. Такэси ждал звонка и то и дело выкладывал ключи на стол и тут же прятал обратно. В конце концов Томоэ принесла пепельницу и велела оставить их в ней.

Подвели итог по коробке. Оба разрешили прочитать свои письма. Хозяин убрал коробку первого: картон промок. К четвёртому соседка смогла открыть кладовку и попросила сохранить в выписке одну строку: «Я просила, чтобы проход оставался таким».

Окада записал просьбу отдельно от расчёта. Такэси проиграл тысячу: ставил, что коробку уберут в последний из тридцати дней. Он подвинул победителю пустое блюдце для мелочи. Тот вернул блюдце обратно.

В перерыве, когда закончили с коробкой, Кэнтаро догнал меня у лестницы. В руках у него была папка с двумя конвертами.

— Ты всё время смотришь на решение так, будто там должно быть чьё-то имя, — сказал он. — А там только то, что люди разрешили нам проверить.

— Если в решении не будет имён, как узнать, что оно честное?

— Тот, кто дал согласие, узнает. Остальным достаточно знать, по какому правилу мы работали. Если тебе нужно больше, спроси у него, а не у меня.

Он вернулся запереть шкаф. Я ещё постоял на площадке. Чьё согласие он имел в виду, он так и не сказал.

Когда сверяли две выписки, Маи остановила меня на слове «просьба».

— У меня «прошу». Прочти у себя целиком.

Окада записал слова соседки от третьего лица и оставил их в кавычках. Маи показала ему свой экземпляр. Он исправил запись.

— У тебя получается, — сказала Маи, забирая свой лист.

— Чем я, по-твоему, зарабатываю на жизнь?

— Мне показалось, ты на этой строке прочёл медленнее.

Я улыбнулся, но Маи ещё не договорила.

— Я на кавычках, наоборот, ускоряюсь. Будто всё, что внутри, уже проверено.

Она взяла обе копии, вложила каждую в прежний конверт и облизнула большой палец. На языке у неё появилось синее пятнышко от чернил. Я показал на свой рот. Маи достала из сумки зеркальце, посмотрела и тихо сказала не совсем литературное слово. Потом рассмеялась.

Кэнтаро закрыл папку. Если бы Маи протянула мне ещё один лист, я прочёл бы и его.

Окада раздал листы, скреплённые слева внизу. В верхнем углу первого листа стояло «Случай М.». Под заголовком шло описание: сотрудник службы записал, что клиент согласился на изменение условий. Клиент отказался. Проверка установила расхождение. Разбирательство в компании закончилось шесть лет назад. «Предмет рассмотрения» — признает ли сотрудник, что знал об отказе, когда оформлял услугу.

Я дошёл до «шесть лет назад» и начал читать сначала, проверяя, не пропустил ли я чего-нибудь после этих слов. Моей фамилии нигде не было. Даже названия компании. Но голос я ещё помнил. Прочёл в третий раз, и имя всплыло само: Масато Кондо.

«Кондо у аппарата». Так он тогда ответил. Мне запомнилась чёрная трубка с длинным витым проводом, за который цепляешься манжетой. Трубки я, конечно, никогда не видел.

В обед в нашу старую контору доносились гаммы из соседнего здания. Ребёнок сбивался на четвёртой ноте, и учитель начинал сначала. Эти четыре ноты я мог напеть и сейчас. В каком месяце звонил Кондо, не помнил.

Я согнул край листа. Такэси, поглядев через моё плечо, помог разогнуть: решил, что там ещё одна страница.

— Значит, человека всё-таки нашли? — спросил он тихо.

Он спрашивал, как понимать последнюю строчку. Я мог ответить «да». На листке ответа не было.

— Проверку закрыли, — сказал я.

— Это я и сам читаю. Хочется знать, кому собираются сообщить результат.

Он придвинул ко мне свою чашку. Я сидел со сцепленными пальцами и в первый момент решил, что он предлагает мне попить. На дне лежала скрепка. Он наклонил чашку, я поддел скрепку ложкой.

— Обе стороны есть? — спросила Маи.

Окада положил ладони на стол.

— Для допуска в рейтинг нужны обе. Предлагаю вынести его за пределы рейтинга.

— Стороны есть? — повторила она.

— У меня есть сведения о событии.

Маи записала: «Вопрос остался без ответа». На последней букве грифель скрипнул. Я чуть поднял свой лист. Маи взглянула на меня. Я опустил его на стол и подождал, пока заговорит кто-нибудь другой.

— Здесь кто-нибудь понимает, как вообще делают такую отметку? — спросила женщина слева от Такэси.

Он показал на меня. На прошлой неделе, после того как я выбил вилку проектора, я сам рассказал ему, где работаю.

— У разных служб по-разному, — ответил я. — На прежней работе после звонка запись ещё висела открытой. Надо было самому её закрывать.

— А он мог по ошибке нажать рядом?

Я показал в воздухе, где на старом экране были поля, и только тогда заметил, что левой рукой по привычке придерживаю у уха наушник. Рука была пустая.

— Можно по ошибке нажать почти куда угодно. Это ещё ничего не говорит об этом человеке.

— Вы работали за таким столом? — спросила Маи.

— Лет шесть назад.

Вышло двусмысленно. Она терпеливо подождала, и я поправился:

— Работал тогда. Сейчас я занимаюсь мебелью.

— Ты и сейчас за столом, — подсказал Такэси.

Женщина отвела взгляд от моего пальца. Теперь меня можно было спросить, что я думаю о человеке, который сидел за таким столом. Про кресла я ответил бы охотно.

— У вас на работе сохраняется причина, по которой клиент отказался? — спросила Маи.

— Человек может не иметь причины.

Маи взглянула на меня поверх листа.

— Причина у него, наверное, есть, — добавил я. — Просто он может оставить её себе.

Мне понравилось, как это прозвучало при Маи. Я даже понизил голос. Можно было сказать при всех, что я помню этот звонок. Вместо этого я отпил из чашки Такэси — уже в третий раз.

Маи выровняла стопку. Я успел бы сказать: «Я его слышал». Пока я думал, она отвернулась.

Кэнтаро отодвинул карандаш.

— В обычном порядке тридцать дней. Сейчас девятое. От сегодняшнего числа до тридцать первого всего двадцать два дня. И у тебя нет исходного объяснения второго участника.

Окада предложил обсудить случай отдельно, вне рейтинга и без очередного цикла. Кэнтаро настоял, чтобы его возражение записали. Окада спросил, кому интересно оставить вопрос до тридцать первого. Поднялось семь рук. Такэси почесал ухо и на секунду поднял свою. Моя лежала на столе.

— Предел оставим обычный? — спросил кто-то у стены.

Окада замешкался и достал бланки. Маи застегнула сумку. Я взял верхний лист. На нём стояли два квадратика: «признает» и «не признает».

— Фраза «знал об отказе» всё ещё стоит у тебя в цели? — спросил Кэнтаро.

Окада перевернул свой лист.

— Пока «признал, что знал об отказе». Это можно определить.

— Пока, — повторил Кэнтаро.

Я посмотрел на второй квадратик. До конца месяца от меня требовалось только молчать.

У стены мужчина вернул пустой бланк. Его ни о чём не спросили. Лист на секунду остановился у моего локтя и лёг рядом с чистой пачкой.

Женщина, спрашивавшая про кнопку, обвела пальцем край чашки — так же я вожу пальцем по краю своей во время затянувшегося звонка.

— Я всё думаю о том, кто шесть лет назад пришёл домой после этого разговора, — сказала она. — Поставил чайник и, может быть, ни о чём таком уже не думал.

— Который из них?

— Вот не знаю. Я обоих представляю у одного чайника. У меня другого перед глазами нет.

У моего старого чайника не откидывалась крышка. Нао научила меня наливать воду через носик. Месяц того звонка я так и не вспомнил, а как Нао держала чайник над раковиной, помнил до сих пор.

Можно было поставить тысячу, как Такэси. Я отодвинул бланк и увидел, что на телефоне ещё не погасло сообщение Нао.

Она прислала снимок расчёта по квартире. Спросила, смогу ли посмотреть к выходным. Я увеличил нижнюю строку, прикрыл итог пальцем и тут же сдвинул палец обратно.

Я перевернул телефон экраном вниз. Деньги по бланкам пока не собирали. Три тысячи можно было вписать прямо сейчас, и никому не пришлось бы показывать выписку.

— Ты участвуешь? — спросил Кэнтаро, не поднимая головы.

Я снова перевернул телефон и набрал Нао: «посмотрю в субботу». Сначала стёр «в субботу», потом всё остальное и потянулся к бланку. Экран ещё не успел погаснуть.

В приложении я боялся опоздать: цифра менялась, пока палец висел над экраном. Здесь никто меня не торопил.

На столе нашёлся тупой карандаш. Такэси протянул мне точилку. Я спросил, зачем он носит её в куртке. Дочь, сказал он, рисует на каждом чеке, который находит дома. Я заточил карандаш. Стружка легла на блюдце рядом с мандариновой кожурой.

Я положил карандаш поперёк бланка. Можно было передать лист по рукам. Я посмотрел на Кэнтаро. Он ждал ответа.

— Участвую.

Я поставил галочку во втором квадратике. Вписал три тысячи и передал лист Окаде. Тот зажал его вместе с остальными. Деньги будут считать после собрания тридцать первого. От меня требовалось ничего не исправлять и на этот раз.

Кто-то спросил, можно ли дописать пару слов, когда станут известны обстоятельства. Окада сказал, что после новых сведений менять прогноз поздно. Я посмотрел на зажим.

Один человек написал «признает без просьбы». Окада попросил вычеркнуть два последних слова. Тот забрал бланк: он хотел поставить именно на то, что человек придёт сам.

Маи дождалась, пока его отказ внесут в протокол. Я мог бы отозвать свой прогноз вместе с ним. Под моей ладонью оставалась только мокрая крошка риса.

— В строке «исход» что должно произойти? — спросила Маи, прежде чем встать. — Вам нужен факт или произнесённая фраза?

— Нам нужно признание, — ответил Окада.

У самой двери наконец зазвонил телефон Такэси. Владелец машины стоял у мастерской. Он хотел знать, почему Такэси закрылся в семь, хотя на двери написано «до семи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.